

Андрей Львович Ливадный

Черная Луна

Наследник знаменитого адмирала Воронцова, Джеддиан Ланге, ученый и политик, пользуясь полученной властью, начинает масштабный эксперимент по изучению реликтовых жизненных форм, найденных при раскопках на базе «Черная Луна». Этот эксперимент быстро переходит не только этическую грань, но и понятие здравого смысла. Однако Джеддиана мало волнуют судьбы миллионов людей, едва начавших строить новую жизнь после завершения Галактической войны.

Часть I

КУСКИ МОЗАИКИ

Глава 1

2717 год галактического календаря.

Орбитальная база

военно-космического флота

Конфедерации солнц, кодовое

название «Черная луна»

Вахтенный офицер, сидящий внутри небольшой наблюдательной сферы, повернулся к своему командиру, который в ожидании, пока космический корабль войдет в шлюз станции, мерил шагами узкое пространство блистерного купола.

— Сэр, они причаливают!

Взглянув сквозь выпуклое бронестекло наблюдательного поста, откуда просматривалась панорама причальных доков и внутренних посадочных площадок огромного

ангара, он молча кивнул.

Генерал Дмитрий Алексеевич Дорохов, в прошлом — командующий Вторым ударным флотом Конфедерации солнц, был человеком незаурядным. Несмотря на опалу, следствием которой явилась ссылка на расположенную в глубоком космосе секретную базу, он сохранил все черты кадрового, боевого офицера. Независимо от тех политических ветров, что веяли в Галактике, его ампула оставалась неизменным: этот крепкий, жилистый, подтянутый старик, чью голову украшал короткий ежик седых волос, служил не политическим партиям, а свободе. Той свободе, за которую начал проливать кровь полвека назад, когда пламя Второй галактической войны одну за другой пожирало планетные системы, ставя под сомнение сам термин

«человечество».

Услышав доклад, он отключил мобильный коммуникатор и широким шагом направился к предшлюзовой площадке, где, кроме двух космических пехотинцев, застывших, словно изваяния около внутреннего люка, выстроились два взвода почетного караула.

На панели приборов бешено замигали огни, резко зашипел стравленный из системы пневмоуплотнения воздух, и внутренний люк начал медленно отползать в сторону.

Дорохов ожидал, что на пороге шлюза появится сам адмирал Воронцов.

Этот человек занимал особое место как в иерархии относительно молодого Галактического сообщества планет, так и в сердцах тех, кто прошел страшными

дорогами противостояния Земли и Колоний.

Главкомандующий Первым ударным флотом, основатель Форта Стеллар и автор Военной Доктрины Конфедерации солнц прожил двести один год. Никто не знал, чего больше в организме этого человека — кибернетических цепей, связанных с сервомоторными протезами, или живой плоти. Это являлось государственной тайной Конфедерации.

По обыкновению, он носил черную форму офицера космического флота, под которой искусно прятались системы жизнеобеспечения и детали спецкорсета. Дорохов, который был младше Воронцова на добрую сотню лет, тем не менее прекрасно понимал причину такого постоянства. Он тоже предпочитал старую форму боевых подразделений. Как однажды признался

сам Воронцов, помимо личной приязни к этому цвету, так похожему на чернильный мрак космического пространства, форма постоянно напоминала ему о том времени, когда, будучи еще молодым лейтенантом, он возглавил остатки разгромленного флота Колоний и повел уцелевшие корабли против эскадр Земного альянса. По словам самого командующего, это позволяло забывать о неумолимом течении лет.

Впрочем, несмотря на годы, взгляд Воронцова всегда оставался столь же холоден и спокоен, как в тот день, когда он, устранив своего командира, принял на себя все бремя ответственности за судьбу Свободных колоний... Перед ним трепетали, его боялись, многие откровенно ненавидели, но он стоял вне досужих сплетен, как монумент, живой

памятник своей эпохи.

...Люк открылся, и генерал, который уже приготовился пройти навстречу командующему, чеканя шаг по гулким плитам предшлюзовой площадки, в буквальном смысле слова остолбенел.

Вместо Воронцова в овальном проеме люка появилась фигура человека средних лет. Он был одет в парадную форму главнокомандующего Конфедерации, и потрясенному до глубины души старому генералу вдруг показалось, что это какая-то насмешка, вызолоченный паяц, непонятно кем и зачем посланный на «Черную луну». За спиной прибывшего обрисовались два моложавых адъютанта в форме полковников.

Дорохов сглотнул, пытаясь привести в норму свои нервы. Он никак не мог взять в толк, что происходит, и

отделаться от предосудительного ощущения, что вместе с этими тремя фиглярами в золоченой форме предшлюзовую площадку военной базы заполнил тонкий сладковатый запах духов из светских салонов Форта Стеллар...

Общее замешательство стало очевидным. Даже часовые у люка напряглись и побледнели.

Главнокомандующий военно-космических сил Конфедерации солнц остановился перед окаменевшими космическими пехотинцами из состава почетного караула и, вскинув тонкую, ухоженную бровь, вопросительно посмотрел на генерала.

В этот момент Дорохов наконец узнал прибывшего, и страшное предчувствие разлилось в груди старика могильным холодом.

Джедиан Ланге... Внучатый
племянник адмирала Воронцова...
Наследник системы Рори и Форта
Стеллар... Росток того поколения, что
взошло на обильно удобренной ниве
войны...

Преодолевая нарастающий внутри
холод и отвратительную старческую
дрожь, предательски поселившуюся в
ногах, Дорохов сделал над собой
усилие и пошел навстречу
новоявленному командующему.

Тот повернулся и спокойно ждал,
пока генерал шел к нему сквозь
своеобразный тоннель, образованный
двумя шеренгами почетного караула.

Наконец, вдоволь насладившись
зрелищем всеобщего замешательства,
он сам, будто смиловавшись, сделал
шаг навстречу командиру базы.

— Господин адмирал!.. — начал
было Дорохов, но Ланге остановил

доклад милостивым жестом, от которого Дмитрия Алексеевича едва не передернуло.

— Сожалею, генерал, — спокойно, даже с ноткой презрительного снисхождения в голосе, произнес Джедиан, — но я прибыл с печальной вестью. Мой дядя, адмирал Воронцов, скончался.

При этих словах легкий вздох пробежал по шеренгам присутствующих на встрече, лишь губы двух полковников-адъютантов остались плотно сжаты.

— Это огромная потеря для Конфедерации солнц, — продолжил Джедиан. — Но мы не можем остановить течение времени, верно? — спросил он, глядя на Дорохова, который на глазах постарел на добрых два десятка лет. — Обстановка в Галактике складывается таким образом,

что у нас нет времени на скорбь, генерал... Я, как наследник Форта Стеллар, являющегося главной опорной базой флота Конфедерации, продолжаю миссию адмирала Воронцова. Высший Совет союза Центральных миров правильно оценил существующую ситуацию и подтвердил мои полномочия как преемника должности командующего флотом. Думаю, что необходимый пакет сообщений уже передан по станциям Гиперсферной Частоты, и вы, генерал, сможете ознакомиться с документами в любой момент.

Его речь была гладкой и правильной. Если Дорохову не изменяла память, Джедиан Ланге занимал должность начальника штаба флота и специализировался, помимо номинальных функций в штабе, на нейрохирургии, психологии и

глубинном зондировании мозга. В частности, печально известный мозговой сканер был именно его детищем.

Пауза неоправданно затянулась, и генерал, вздрогнув, поднял взгляд.

В отличие от Воронцова, который, навевая ужас, всегда оставался *военным*, его внучатый племянник производил ощущение *политика*. Это были два очень далеко отстоящие друг от друга понятия, и Джедиан Ланге, по-видимому, прекрасно осознавал существующую разницу. По его лицу несложно было понять, что он, в частности, делает сравнение в свою пользу. Впрочем, как впоследствии удалось убедиться Дорохову, он имел право на подобную самоуверенность. Если Ланге по сравнению с Воронцовым и выглядел вызолоченным паяцем, то это был самый опасный паяц

из тех, кого приходилось встречать старому генералу. В нем так же, как и в адмирале, присутствовала сила, но она была совершенно иного сорта...

— Господин командующий! На вверенной мне базе космического флота никаких происшествий не зарегистрировано! — сделав над собой усилие, наконец отрапортовал генерал. В том, что Ланге действительно утвержден на должность командующего, он не сомневался.

— Вот и хорошо, генерал, — мягко остановил его Джедиан, покончив таким образом с официальной частью встречи. На его лице внезапно проступило выражение скуки. — Отведите отдельные каюты для моих адъютантов и распорядитесь подать обед в помещение, снабженное видеоаппаратурой, — приказал он.

Дорохову оставалось лишь одно —

выпрямить спину и отдать воинский салют.

— Итак? — Джедиан Ланге взял салфетку и промокнул ею губы. Потом скомкал, бросил в тарелку и обернулся к обзорному экрану, на который проецировалось изображение трех темных, будто покрытых сажей, планетоидов.

Ничто не освещало их сумрачную, лишенную воздуха поверхность. У системы отсутствовала звезда, и три планетоида, каждый размером с небольшую луну, вращались вокруг единого центра масс.

Как сложилась такая космическая система, оставалось только гадать.

Между тремя близко расположенными друг к другу

планетами в точках Лагранжа системы висело несколько космических станций. От них тянулись невидимые глазу силовые тоннели, которые оканчивались обозначенными крохотными искрами габаритных огней силовыми сферами.

Внутри этих незримых сфер, диаметр которых составлял сотни километров, было заключено нечто непонятное и совершенно непривычное человеческому глазу. В компьютерных файлах станции «Черная луна», осуществлявшей общий контроль за силовыми сооружениями, сферы именовались «инкубаторами».

Внутри циклопических энергоконструкций, среди парящей в вакууме аппаратуры, комплексы которой простирались километровыми секциями, происходили таинственные и непонятные процессы.

Нужно сказать, что Джедиан Ланге впервые воочию наблюдал за действием такого производства.

Через силовые тоннели в один из инкубаторов беззвучно проскользнула глыба льда и камня, взятая с поверхности одной из планет этой загадочной системы. Пролетев по строго рассчитанной траектории, километровый обломок попал в мощную гравитационную петлю и был зафиксирован под прицелом лазерных установок.

Прошло несколько минут, и лазеры начали резать глыбу, осторожно растапливая лед. Внутри силовой сферы за клубилось облако из пара, пыли и микроскопических частиц. В плотном первобытном супе сновали автоматические зонды. Они отбирали образцы и сбрасывали их в камеры экспресс-анализаторов.

За всеми процессами неусыпно следили компьютеры.

Секретный комплекс «Черная луна» проводил исследования чуждой человеку жизни, которые велись тут с тех пор, как при строительстве стратегического космопорта на поверхности одной из планет, которая, как и база, именовалась Черной луной, первопроходцы обнаружили руины немыслимо древнего здания.

— Это запись? — спросил Джедиан, наблюдая, как лазеры режут доставленную с поверхности планетоида глыбу.

— Да, господин адмирал, — ответил ему Дорохов. — Запись основного события.

— Остановите. Я хочу услышать всю предысторию. Меня не удовлетворила техническая справка из компьютерной базы данных.

Дмитрий Алексеевич кивнул. Он был подавлен, но держал в узде собственные эмоции. Подчиняясь его знаку, адъютант встал и подошел к огромному, поделенному на сектора экрану. Произведя переключение, он повернулся к Джедиану Ланге.

Теперь один из участков составного экрана демонстрировал компьютерную модель системы. Планеты выглядели как футбольные мячики, обтянутые зеленой паутиной координатных сеток. Между ними пульсировали нити траекторий, и алыми контурами горели действующие орбитальные комплексы. Многие объекты в общей схеме были закрашены в фиолетовый и синий цвета — это были те места, где еще велась стройка.

— Разрешите, господин адмирал?

— Да, офицер, прошу вас, начинайте. — Джедиан откинулся в

кресле, приготовившись слушать. Остальные офицеры за большим овальным столом не поменяли своих поз, им казалось неинтересным смотреть на экран, потому как картины окрестного космоса, да и компьютерная модель системы приелись им до крайности. И даже факт прямой причастности неким историческим событиям уже давно не являлся для подавляющего большинства этих людей поводом к какому-то воодушевлению. Для них это казалось прежде всего скучной и серой службой — так, рутина будней в тесных отсеках засекреченной, обложенной пространственными минными полями космической базы. Офицер у экрана тактично откашлялся.

— Первоначально комплекс «Черная луна» проектировался как стратегический секретный

космодром, — начал пояснять он, водя лучом лазерной указки по темной поверхности экрана, отчего алый курсор перебегал от одного участка схемы к другому.

Джедиан, который пристально рассматривал изображение трех темных планетоидов, вскинул бровь. Эти луны явно когда-то являлись спутниками намного более крупного небесного тела, но сейчас оно исчезло, и три темных шарика кружили вокруг некой незримой точки, словно кабинки детской карусели вокруг столба...

— Подождите, офицер, но, мне кажется, в системе чего-то не хватает верно? — высказал вслух свои сомнения Джедиан. — Я далек от глубинных познаний в астрономии, — развел он руками, — но, по-моему, тут должно быть солнце... ну, я имею в виду — какая-нибудь звезда, верно?

Или я ошибаюсь? — Он перевел взгляд на офицера, который на секунду замешкался, очевидно, соображая, как лучше сформулировать ответ

— Нет, господин адмирал, ваш вывод абсолютно справедлив, — наконец ответил он ровным, нейтральным тоном. Генерал Дорохов специально держал при себе несколько таких вот буквоедов, которые по своей натуре, конечно, являлись сволочами и бюрократами до мозга костей, но в подобных ситуациях эти чудные образчики штабных крыс, способные довести до бешенства любого боевого офицера флота, оказывались попросту незаменимы.

— Черная луна была избрана для строительства космодрома именно в силу отсутствия тут солнца — Словно стремясь подтвердить собственную репутацию, пустился в пространные и

монотонные пояснения вызванный к экрану офицер. — Такие планеты невозможно обнаружить визуально, а они, в свою очередь, являются источниками неограниченных материальных ресурсов для строительства необходимых коммуникаций. Существенная выгода достигается за счет присутствия естественной гравитации на поверхности планет...

— Ближе к делу, — уже не скрывая ноток раздражения в голосе, остановил его Джедиан. — Было тут когда-нибудь солнце или нет?

Офицер у экрана бросил растерянный взгляд на Дорохова.

Генерал едва заметно кивнул, Ланге нахмурился, заметив этот обмен мимикой.

— Да, господин командующий. Звезда была, — поспешно, будто

извиняясь за заминку, доложил офицер.

— И куда она делась? — Глаза Джедиана сузились, выдавая раздражение, которое он не считал нужным скрывать.

— Она была аннигилирована, сэр... — не очень уверенно сообщил офицер. — По данным изотопного анализа, это произошло около трех миллионов лет назад.

— То есть когда наши предки носились по Земле на четвереньках? — усмехнувшись каким-то своим мыслям, уточнил Ланге.

— Так точно, сэр! Слои остекленевшего базальта и шлакообразный реголит на поверхности трех планетоидов говорит о том, что звезда сгорела в катастрофической вспышке... Однако это никак не влияет на расположение стартовых площадок, и отсутствие

солнца, как я уже докладывал, является...

На этот раз Джедиан Ланге обернулся непосредственно к Дорохову, очевидно не доверяя компетентности и осведомленности штабного офицера. Он прекрасно знал штабную кухню и понимал, что его еще не восприняли всерьез и пытаются заморочить голову второсортными сведениями, как обыкновенного проверяющего.

— Генерал... — подавив раздражение, укоризненно произнес он.

Дорохов понял.

— Все свободны... — глухо произнес Дмитрий Алексеевич, машинально сцепив руки в замок. — Адъютанты и секретари тоже.

Через минуту зал совещаний опустел. За огромным овальным столом остались лишь Дорохов и Джедиан.

— Генерал... — достаточно мягко произнес новый командующий, пристально посмотрев на Дорохова, который сидел в противоположном конце стола, по-прежнему сцепив руки в замок. — Вы удручены смертью Воронцова. Я искренне разделяю вашу скорбь. — Ланге взял бокал и сделал глоток. — Хотите, скажу, о чем вы сейчас думаете? — спросил он, разглядывая на свет рубиново-красную жидкость.

— Сэр, я...

— Не стоит, генерал, — прервал его извинение Джедиан. — Вы думаете о том, что со смертью Воронцова уходит в прошлое целая эпоха. Эпоха Первой и Второй галактических войн. Эра героизма. Вы смотрите в будущее и не видите там ничего, кроме почетных проводов в отставку, ибо власть, по вашему мнению, перешла в руки

политиков — людей многоликих, лживых и нечистоплотных. Отчасти вы правы... — неожиданно усмехнулся он. — Но только отчасти, поверьте.

— Господин командующий... — опять попытался возразить Дорохов, но Ланге заставил его замолчать властным жестом.

— Нет. Не нужно фальшивых извинений. Я хочу, чтобы вы поняли, как это ни прискорбно для вашего образа мышления, что я, — он подчеркнул интонацией последнее слово, — не временщик. Я именно тот, кто пришел на смену адмиралу Воронцову... Я человек нового поколения, — немного помедлив, сформулировал Ланге. — Те методы, что годились в тяжкие дни гибели планет, сейчас трансформируются в нечто более мягкое и неосязаемое, — пояснил он. — Одна война

закончилась, но грядет другая, не менее страшная. Она уж идет, но никто не заметил ее начала, потому что на данном этапе — это война умов. И только в том случае, когда капитулируют умы, в бой ринутся боевые крейсеры.

Дорохов кивнул, но это скорее был жест обреченности, чем понимания. Джедиан действительно умел убеждать, но генерал тоже прошел суровую школу жизни и имел свой взгляд на многие ее аспекты.

— Мне непонятно, — глухо произнес он — Разве человечество не испытало подобного раньше? Разве история не повторяется, но только в больших масштабах? — Дорохов поднял тяжелый взгляд на своего нового начальника, и тому показалось, что вопрос вырвался у Дмитрия Алексеевича против воли.

— Что вы имеете в виду, генерал? — осторожно переспросил Ланге.

— Этот комплекс, — ответил Дорохов. — «Черную луну»... Мы копаемся в прошлом, но это я еще могу понять и оценить, только для чего? Разве для истории, во имя знаний о Предтечах человечества?! — На лице генерала появилось усталое выражение, словно он не один раз уже задавал самому себе данный вопрос. — Посмотрите, — он переключил изображение, — сюда стекаются образцы из кометных ядер, частицы блуждающих в пространстве астероидов, пробы космической пыли... Мы собираем и аккумулируем тут не просто любопытные для науки фрагменты прошлого. Уже найдены десятки низших форм древней жизни. Эти микроскопические существа настолько чужды современному

метаболизму, что дай им волю — выкосят человечество в один год. Всех. И правых, и виноватых, и негодяев, и святых. У нас нет ни иммунитета, ни средств борьбы. По-моему, звездные эскадры — это более честный и более бескровный путь. Джедиан поморщился. Внутренне он, конечно, готовился к подобному разговору, но не думал, что все случится так скоро и недвусмысленно. В Форте Стеллар, откуда он только что прибыл, в ходу были иные приемы построения политических диалогов.

— Вы преувеличиваете, генерал. Путаете политику сдерживания с глобальной войной... — тем не менее ответил он, стараясь, чтобы голос звучал как можно честнее и доверительнее. — Ее не случится только потому, что миллионы людей не хуже вашего представляют себе

фатальные последствия таких действий. Страх, — он усмехнулся, произнеся это слово, и поставил бокал, как бы заверяя свою мысль. — Страх, господин Дорохов, — вот тот инструмент, что приведет к миру! — заключил он.

— На страхе не вырастишь ничего, кроме ненависти, — покачал головой Дмитрий Алексеевич. — Уже испробовано.

На этот раз Джедиан едва не вспылil.

— Вы считаете себя чистым? — Он скинул ногу, заброшенную на колени, и подался вперед. — Или Воронцова?

— Он спас Колонии. Он создал Конфедерацию. Он дал нам шанс жить... Глаза Ланге сузились:

— Вы рассуждаете, как догматик! Воронцов — фигура, не отрицаю, но он был столь же подл, жесток и нечистоплотен, как и любой из нас! —

Джедиан вдруг откровенно завелся. — Конфедерация построена на костях, но кто об этом помнит?! Никто! Никто не помнит о том, что творил мой двоюродный дед во имя мира и победы над силами Альянса! А ведь он убивал, казнил, предал собственного сына, изменил присяге, он уничтожал целые планеты! Но теперь все поросло былью... Он вдруг стал ЭПОХОЙ, о которой сожалеют. Боль прошла. Умерли те, кто потерял родных. Не осталось живых свидетелей. А наша память всегда страдает избирательностью! Мы помним одно и забываем другое. Но жизнь-то продолжается. И наши враги, как на Земле, так и в других галактических альянсах, развиваются, живут. Двигаются вперед. А вы предлагаете Конфедерации застыть на уровне рыцарства. — Немного поостыв,

Джедиан откинулся назад, в мягкие объятия кресла. — То время, когда один крейсер мог решить судьбу цивилизации, к сожалению, или, быть может, к счастью, уже прошло... — Ланге был прирожденным оратором. Прошло несколько секунд, а он уже говорил спокойно, — обдуманно и убежденно: — Безвозвратно прошло, генерал. Нас слишком много, мы сложны... каждый год осваивается по несколько планет, человечество разбухает, и пока вы будете корить одного, нарушившего этические нормы Конфедерации, другой всадит вам нож в спину!

— Значит, конец? Все сызнова? — с какой-то надломленностью в голосе спросил Дорохов, который по-прежнему сидел, сцепив пальцы рук и не поднимая глаз на нового командующего.

— Не сызнова, Дмитрий Алексеевич, — мягко, почти вкрадчиво ответил ему Ланге. — Это прогресс. Другой уровень развития. История не стоит на месте и не терпит пустоты. Пройдут годы, одни нации вымрут, другие разовьются, и я, и вы — все мы превратимся в символы, и наши человеческие страхи, сомнения, убеждения уже не будут никого трогать. Останется лишь главная оценка действий: смог или нет. Удержал мир или сорвал лавину войны... И тут, поверьте, становятся хороши любые средства. Потому что ни одна личная трагедия не может сравниться с трагедией нации или планеты. Единичная судьба, пусть даже сломанная и искалеченная во имя великой цели, никогда не перевесит чашу весов истории!

Джедиан умел убеждать. Дорохов

чувствовал, что в душе он не согласен с ним, но не нашелся, что возразить. Просто он был слеплен из иного теста.

— Зачем вы так обстоятельно беседуете со мной, господин командующий? — вновь глухо спросил он. — Мы мыслим в разных направлениях, так не проще ли мне уйти, раз мой век умер, а этические законы чести втоптаны в грязь во имя политики всеобщего сдерживания?!

— Нет, — покачал головой Джедиан, наполняя свой бокал. — Ваша отставка не будет выходом ни для меня лично, ни для Конфедерации, потому что всего должно быть в меру, — назидательно произнес он, — и чести и бесчестья, открытой войны и тайных ударов. Мы не питекантропы с дубинами... И Конфедерация уже не вотчина Воронцова, не Рори, и даже не Стеллар, где держали оборону несколько

космических кораблей... наш мир становится слишком сложен. В нем в равной степени есть место и для меня, и для вас. Нужно лишь соприкоснуться в некоторых точках, чтобы возникло единство. Но вы правы, мне не нужны люди, видящие во мне жадного, дорвавшегося до власти преемника адмирала Воронцова и подсовывающие мне штабных демагогов в надежде, что я заскучаю и улечу. Нет, генерал. Такого не будет. Потому что я лучше вашего представляю ценность «Черной луны», а в особенности последней находки.

В эти минуты Джедиан Ланге разительно изменился. Улетучилась его надменная апатичность, с шитого золотом мундира будто слетел мишурный блеск, приподняв таинственную хламиду самоконтроля, из-под которой вдруг проглянуло

настоящее лицо наследника Форта Стеллар... Дмитрий Алексеевич Дорохов, сидящий по другую сторону стола, даже вздрогнул, тряхнув головой, чтобы вернуть резкость зрению...

— Они сожгли свою звезду, а вместе с ней и какого-то неизвестного нам противника, — тем временем произнес Ланге. — Мне в равной степени интересны обе стороны того противостояния. Масштабы страшные, но именно информация по «Черной луне», вкупе с технологиями, способными пережигать звезды, как свечки, возможно, и станет гарантией мира и неприкосновенности Конфедерации солнц. И я готов ради этого сломать не одну судьбу, можете мне поверить.

— Я верю... — глухо ответил Дорохов.

Отчего-то ему вдруг стало страшно и неуютно за огромным овальным столом наедине с этим человеком, которого, не далее как час назад, он принял за клоуна.

Заметив его состояние, Джедиан нахмурился.

— Хорошо, генерал, давайте начистоту. Даже обладая поверхностными сведениями, я смог оценить значение «Черной луны» для будущего Конфедерации. Я прилетел сюда не с инспекторской проверкой, а с намерением разобраться во всем самому. И я не хочу, чтобы вы или ваши штабные офицеры вставляли мне палки в колеса, ясно?

Дорохов кивнул. Что уж тут непонятного?

— Отлично. Значит, с этой минуты я устанавливаю такой регламент: вы остаетесь командиром базы и очень

хорошо охраняете ее, а я и мои люди будем заниматься «Черной луной».

Теперь это уже был не паяц, не политик, не искусный оратор, перед Дороховым словно восстала тень Воронцова в призрачном блеске железной воли покойного адмирала...

— Через полчаса я должен получить доступ ко всем базам данных, кодовые ключи и идентификаторы для всех лабораторий и подготовленные помещения для прибывшего со мной персонала, — не терпящим возражений тоном заключил Джедиан.

Дорохов встал. Ему нечего было возразить или ответить. Дмитрий Алексеевич чувствовал, что полчаса беседы с Ланге вымотали его, как сутки напряженных боевых действий.

— Разрешите идти, господин командующий? Джедиан милостиво склонил голову, не сводя с него

проницательного взгляда.

— Идите, генерал, — разрешил он. — И помните, я надеюсь, что мы с вами сработаемся.

Секретная база под кодовым названием «Черная луна» действительно задумывалась как стратегический космодром. Первоначально никто не планировал проводить тут исследования и раскопки, в самый разгар Первой галактической войны было не до научных изысканий.

Три темные планеты, не отмеченные ни на одной звездной карте по причине отсутствия тут самой звезды, действительно являлись идеальным местом для тайной дислокации ударных эскадр космического флота.

Данный сектор пространства считался пустым. Наличие планет, как уже подметил штабной офицер, позволяло построить посадочные площадки и ремонтные доки с естественным источником гравитации, что было очень важно для нормального и эффективного ремонта боевых кораблей.

Все эти данные Джедиан пробежал глазами, лишь мельком останавливая взгляд на некоторых фразах. Его интересовала не история «Черной луны», которая, по сути, являлась зеркальным отражением истории возникновения Форта Стеллар, а нечто другое...

Ага, вот...

Глаза Джедиана вспыхнули мрачным, жадным огнём.

Отчет старшего строительной группы... Так... При рытье

котлована... Глубина — минус тридцать два метра от нулевого нивелира... Остатки армированной бетонной стены, сохранившей слабое реликтовое излучение... Повреждения и структура внутренних деформаций характерны для близкого термоядерного взрыва... В реголите серого цвета, напоминающего каплеобразные частицы шлака, обнаружены слитки металла, предположительно, какие-то предметы неизвестной цивилизации.

Джедиан откинулся в кресле и задумался.

Этой находке было сорок с лишним лет, но уже тогда его дядя, адмирал Воронцов, правильно оценил ее значение и приказал начать целенаправленные исследования грунта на поверхности трех обожженных адским пламенем лун... или все же

планет?

«Скорее лун... — решил про себя Джедиан. — Для полноценных планет, на которых могла развиваться разумная жизнь, они слишком малы. Слаба гравитация, да и вообще, не те условия для эволюции, такой, как на подавляющем большинстве кислородных миров. Нет... Их родная планета где-то в другом месте... — размышлял он, не торопясь переходить к рассмотрению основного события. — Три сожженных луны... Опорный пункт? Форпост?... База?..»

В любом случае на ум приходил лишь один термин — война. Война, что шла три миллиона лет назад, но между кем?! Двумя доисторическими разумными расами? Или гражданский раскол внутри некогда единой цивилизации? Этого Джедиан не знал, но всерьез собирался выяснить, И

последняя находка, извлеченная из шлакообразного реголита Черной луны-1, того самого планетоида, где впервые были обнаружены остатки нечеловеческих сооружений, позволяла ему питать подобные надежды.

Джедиан действительно являлся тем человеком, кто создал мозговой сканер и развил новую область науки. И вполне искренне считал, что его вины в военном применении этих открытий нет. Так распорядилось их жестокое время.

Заблуждался Джедиан Ланге или нет, должно было рассудить время. Но, как бы там ни было, он являлся незаурядным человеком и талантливый ученым, которого природа наградила умом, а судьба и родство вознесли на самый верх иерархической лестницы Конфедерации солнц.

Прикурив сигарету, он включил

воспроизведение той видеозаписи, просмотр которой сам же и оборвал в зале совещаний...

Глубоко затянувшись, Джедиан пропустил начало и впился глазами в экран монитора, только когда увидел тот самый кадр...

...Силовая сфера, в которую по электромагнитному тоннелю поступил вырезанный с поверхности Черной луны кусок породы, клубилась паром.

Поступившая на участок «разделки» многокилометровая глыба медленно вращалась в прицеле следящих за процессом видеокамер.

Предвкушая развитие событий, Джедиан подался к монитору. Он вдруг заметил, что нервная дрожь родилась где-то в районе позвоночника.

Это оказался очень любопытный образец. Он наполовину состоял из пресноводного льда. Первая

уникальная находка такого рода, обнаруженная на глубине двухсот метров под пепельной поверхностью. Первое свидетельство того, что тут когда-то была атмосфера и даже вода...

Внезапно среди клубящегося пара произошло нечто неадекватное.

Луч лазера тонким огненным шнурком прошел точно по центру полуторакилометровой ледяной глыбы, развалив ее на две бесформенные половины. Лед на срезе огромных плоскостей истекал паром и по своей прозрачности напоминал стекло.

Вокруг, в клубящейся пыли, среди испаряющегося газа и лазерных вспышек сновали крохотные паукообразные механизмы. Только они оказались в состоянии заглянуть вовнутрь разрезанной глыбы ископаемого льда через открывшееся на срезе прозрачное окно, но пустое

любопытство не входило в программные обязанности примитивных автоматов. Однако они были снабжены видеокамерами, изображение с которых транслировалось на сотни мониторов станции слежения, и одновременно все видеосигналы от механизмов анализировал специальный компьютер. Он-то и выдал на дисплей одного из дежуривших на станции людей сигнал о чрезвычайной ситуации.

Дежурный офицер базы посмотрел на монитор. Его лицо сначала побледнело, а затем покрылось неровными пятнами румянца.

Очевидно, в те секунды офицер испытал шок намного более сильный, чем то возбуждение, что чувствовал Джедиан от просмотра записи. Ему-то сейчас уже известно, ЧТО увидел на мониторе этот офицер.

Не смея оторвать глаз от изображения, тот на ощупь нашел клавишу интеркома, ответственную за общую связь, и проговорил севшим от волнения голосом:

— Всему персоналу базы. Боевая тревога. Красный код в четвертом секторе!

На мониторе продолжало транслироваться обработанное компьютером изображение. Маленький паукообразный робот полз по ровному срезу льда. Его видеокамера по приказу центрального компьютера была нацелена вовнутрь ледяной глыбы.

Офицер хотел что-то сказать, но из его горла вырвался лишь сдавленный сипящий вздох, внутри исполинской глыбы льда были заключены люди... но, великий боже, их кожа отливала нежной голубизной, а черты лица никак не походили на человеческие...

Заостренные уши, как у мерзких персонажам из низкопробных мультиков, лишенный губ, щелеобразный рот, маленькие, широко разнесенные глаза — все вместе это выглядело просто отвратительно. Камера робота прыгала, показывая перекрученные, неестественно выгнутые руки и ноги, плоские грудные клетки, лысые яйцеобразные черепа...

Полное отсутствие половых признаков вызывало еще большее отвращение. Словно кто-то заморозил во льду десятки кукол или голых манекенов...

За спиной оторопевшего офицера были сирены поднятой им тревоги. В зал один за другим вбегали люди.

Дальнейшие действия персонала были четкими и по-военному слаженными. Эти люди специально готовились для подобных сюрпризов.

Огромные насосы, расположенные по периметру незримой силовой сферы, быстро откачали всю газообразную смесь, находящуюся в секторе разделки доставленных образцов. Десятки ультрафиолетовых прожекторов залили пространство внутри сферы голубым светом, призванным если не убить, то значительно ослабить чужеродные микроорганизмы.

Автоматические лазеры перешли в широкоапетурный режим, теперь их рассеянная энергия не резала две глыбы льда, а заставляла их интенсивно таять. Насосы продолжали откачивать продукты испарения, поддерживая внутри сферы относительный вакуум.

Постепенно работа усложнилась. Тела вытаивали на поверхность глыб; их осторожно вырезали лазером, стараясь не задеть распростертых конечностей. Через два часа от

полторакилометровой глыбы не осталось ничего, кроме плавающих в вакууме гуманоидных тел, заключенных внутри прозрачных ледяных параллелепипедов. Сканеры показывали двести тринадцать существ, среди заледеневших тел которых в невесомости парило несколько приборов странного вида и неизвестного предназначения.

...Запись закончилась. Больше никаких находок не последовало, и к самим телам никто не прикасался. Они по-прежнему плавали, запаянные в гробы изо льда, внутри незримых границ силового шара.

«Ждали своего часа. Ждали меня...» — возбужденно подумал Джедиан, вдруг ощутив, как после перерыва вновь погружается в родную стихию.

Он больше не мог тянуть... Это было ДЕЛО... ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ.

В этот момент Джедиан Ланге забыл про Конфедерацию и свое высокое положение. В нем проснулся тот самый ученый, что изобрел десять лет назад верный способ считывания информации прямо из головного мозга человека и ее визуальной расшифровки.

«Вот истинная работа для моего сканера! — возбужденно думал он. — Эти существа впаяны в лед. Очевидно, их смерть была мгновенной. Значит, существует реальный шанс реанимации... Ничего... Не таких возвращали с того света. — Мысли Джедиана вдруг приняли целенаправленный характер. Он уже строил планы, в уме подсчитывая шансы на успех. — Пусть... — думал он, — пусть на вскрытия, изучение строения органов, опыты с биохимией метаболизма, на неудачные попытки реанимации уйдут двести двенадцать

существ, но последний обязательно оживет, хоть на минуту, на несколько мгновений, и тогда из него вырвут всю информацию, которая станет доступна глубинным мозговым сканерам!»

Это походило на наваждение. Джедиан преобразился, и если бы не уединение, то вид главнокомандующего космическими силами Конфедерации мог бы шокировать многих из подчиненных...

Он сидел в глубоком кресле, вцепившись побелевшими пальцами в мягкие подлокотники, лицо покраснелось от возбуждения, а губы беззвучно шевелились в тот момент, когда взгляд Ланге блуждал по экрану, где в вакууме парили, сталкиваясь друг с другом, ледяные прямоугольные глыбы, содержащие в себе самое великое и, возможно, самое ужасающее открытие современности.

Джедиан не мог больше ждать. Он хотел одного — действовать.